

Бедрик Антон Сергеевич

кандидат военных наук,
преподаватель кафедры педагогики,
психологии и переводоведения
Санкт-Петербургского университета
технологий управления и экономики

Ивасенко Роман Петрович

аспирант кафедры педагогики,
психологии и переводоведения
Санкт-Петербургского университета
технологий управления и экономики

**«ОКРАИННАЯ» ПОЛИТИКА
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX В.:
СУЩНОСТЬ, ТЕНДЕНЦИИ,
РЕЗУЛЬТАТЫ**

Аннотация:

В статье анализируется сущность и основные тенденции развития политики российского самодержавия в национальном вопросе в XIX в. Выявляются факторы, повлиявшие на усложнение межнациональных отношений на территории российского государства в рассматриваемый период времени. Анализируется активная внешняя политика Российской империи, результатом которой стало присоединение новых территорий с населением, традиционно являвшимся антагонистом системообразующей нации страны – русских. Подчеркивается противоречивый характер окраинной политики самодержавного правительства в XIX в., в связи с чем приводится содержание двух кардинально противоположных моделей ее реализации. В результате обосновывается вывод о том, что недалекость и ошибочность политических решений верховной власти Российской империи в отношении приобретенных территорий и проживающих на них народов стала одним из ключевых детерминант стремительного развития революционного кризиса и крушения имперской государственности в начале XX в.

Ключевые слова:

национальный вопрос, окраинная политика, национализм, модели окраинной политики, Польша, Финляндия, революционный кризис, русификация

Bedrik Anton Sergeyeovich

PhD in Military Science, Lecturer,
Pedagogy Department,
Psychology and Translation Studies,
Saint Petersburg University
of Management Technologies and Economics

Ivasenko Roman Petrovich

PhD student, Pedagogy Department,
Psychology and Translation Studies,
Saint Petersburg University
of Management Technologies and Economics

**THE BORDERLAND POLICY
OF THE RUSSIAN EMPIRE
IN THE 19TH CENTURY:
ESSENCE, TRENDS, RESULTS**

Summary:

The present study analyzes the essence and main trends in the development of the policy of the Russian autocracy in the national question in the 19th century. The factors that influenced the complication of interethnic relations in the period under consideration are identified. The study considers active foreign policy of the Russian Empire that resulted in the annexation of new territories which population was the traditional antagonist of Russians, the nation that made the core of the empire's population. The contradictory nature of the borderland policy of the autocratic government in the 19th century is emphasized. In this connection, the present study provides analysis of the content of two radically opposite models of the policy implementation. In conclusion it is substantiated that lack of foresight and wrong policy decisions of the supreme authority of the Russian Empire with regard to the acquired territories and their peoples, became one of the key determinants of the rapid development of the revolutionary crisis and the collapse of the imperial state at the beginning of the 20th century.

Keywords:

national question, borderland policy, nationalism, models of borderland policy, Poland, Finland, revolutionary crisis, russification

Предметом настоящего исследования является изучение политики российского самодержавия в национальном вопросе в XIX в. При этом, по нашему мнению, следует характеризовать данное направление государственной политики как «окраинное», имея в виду, что основные сложности у правительства возникали именно при реализации политических мероприятий в отношении населения приграничных территорий российского государства. Под термином «окраина» мы понимаем территории, присоединенные к Российской империи преимущественно в XIX в., а именно – западные (Царство Польское, Финляндия, Курляндская и Лифляндская губернии), южные (кавказские, среднеазиатские губернии), восточные земли (сибирские губернии).

Необходимо отметить, что проблемы определения содержания, сущности и особенностей реализации самодержавной политики в отношении окраин Российской империи неоднократно становились предметом серьезных исследований отечественных историков. В этой связи следует выделить работы В.С. Дякина, М.Д. Долбилова, А.И. Миллера, Л.М. Дамешека, В.А. Матвеева и др. Вместе с тем многие аспекты указанной проблематики еще требуют научного осмысления.

Приступая к анализу заявленного предмета исследования, прежде всего следует отметить чрезвычайную сложность национального вопроса в рассматриваемый период. Данное обстоятельство определялось преимущественно двумя аспектами.

Во-первых, в результате победы в глобальном европейском противостоянии с наполеоновской Францией и последующей интенсификации имперской внешней политики в состав Российской империи вошло большое количество новых территорий. Справедливо мнение о том, что в первой половине XIX в. в числе исторически сложившихся существенных особенностей России следует отметить ее гигантскую территорию, объединяющую два континента – Европу и Азию [1, с. 368].

Земли, вошедшие в состав государства, характеризовались не только многообразием климата и ландшафта, но и разным уровнем хозяйственного освоения. Территории Российской империи существенно отличались между собой также и по уровню экономического развития [2, с. 29].

Кроме того, национальная неоднородность страны подчеркивалась расовыми и языковыми различиями ее жителей, а также разнообразием их религиозных предпочтений. Нельзя также не отметить наличие ментальных особенностей народов империи и разный уровень их развития [3, с. 07].

Указанные аспекты определяли различный потенциал интеграции окраинных территорий в общественно-политическую структуру Российской империи. Данную характеристику очень точно отразил русский этнограф второй половины XIX в. А.Е. Алекторов, который отмечал, что «нет в мире ни одного государства, кроме Британской империи, столь разнообразного в этнографическом отношении, как Россия» [4, с. 2–3].

Логичным следствием указанного «статусного» разнообразия имперских окраин явилась специфика организации управления ими. В этой связи необходимо отметить, что в период XVIII–XIX вв. самодержавным правительством были реализованы различные концепции управления приобретенными территориями, которые основывались на принципе максимального учета их особенностей. При этом отсутствовала типовая управленческая структура: власть на местах олицетворяла гражданская (губернаторы) или военная администрация (генерал-губернаторы), а также отдельные ведомства, находящиеся в прямом правительственном подчинении (наместнический совет Царства Польского). Естественно, что данное обстоятельство препятствовало разработке и реализации единой концепции государственной «окраинной» политики, а следовательно, деструктивно воздействовало на государственное единство.

В условиях слабого развития капиталистических отношений и транспортных коммуникаций у центрального правительства возникали объективные сложности в организации административного управления новыми территориями. Не последнюю роль в этом сыграло и то обстоятельство, что российское государство в рассматриваемый период времени представляло собой абсолютистскую унитарную империю.

Анализ конкретных политических мероприятий, осуществляемых самодержавным правительством в отношении присоединенных территорий с преобладающим нерусским населением на протяжении XIX в., позволяет констатировать противоречивость окраинной политики, что обусловлено попыткой реализации двух ее противоположных проектов, которые, на наш взгляд, можно условно обозначить как «имперский» и «русский». Их сущность заключалась в попытке сформировать единую имперскую гражданственность на социально-экономической и политической основе путем инкорпорации местной политической элиты в единое имперское дворянское сословие и на этнической основе – путем утверждения социокультурных характеристик русской национальной общности.

Первый проект окраинной политики, реализация которого осуществлялась в начале XIX в., предполагал дифференцированный подход к присоединенным территориям. Иначе говоря, по справедливому замечанию Л.М. Дамешека, одним из наиболее важных принципов выстраивания дискурса «центр – национальная окраина (периферия)» был учет характера вхождения той или иной территории в состав России, а также наличие или отсутствие у нее признаков государственности, общепризнанных в Европе норм права и т. д. [5, с. 62]. В этой связи имперская управленческая структура, создаваемая на присоединенных территориях, была ориентирована на сохранение социально-экономического (господствующий хозяйственный уклад), общественно-политического (форма государства и особенности правовой системы) и социокультурного своеобразия (традиции, обычаи).

Другими словами, данная модель окраинной политики Российской империи по своим ключевым характеристикам была в значительной степени близка стратегии советского государства в национальном вопросе (политика «коренизации») и предполагала во многом номинальный управленческий контроль со стороны самодержавной власти при значительных предпочтениях местной политической элите.

Крайним выражением такой политики являлось сохранение вплоть до второй половины XIX в. в Польше и Финляндии отличных по сравнению со всей остальной территорией Российской

империи форм государств. Так, находясь в составе Российской империи, Финляндия была абсолютно автономна как в политическом, так и в экономическом плане: ее бюджет не сливался с общероссийским, общим с империей у нее оставался лишь глава государства – монарх. Польша в период с 1815 по 1830 г. же являлась автономной провинцией Российской империи. Кроме общего монарха, русского закона о престолонаследии, Царство Польское имело с Россией лишь общие органы для осуществления внешней межнациональной коммуникации: Министерство иностранных дел и консулов [6, с. 60].

Кроме того, как отмечает Л.М. Дамешек, в регионах, где коренное население до прихода русских не знало письменных законов, центральные власти официально предписывали при разборе «маловажных дел» руководствоваться нормами обычного права коренных народов. Предпринимались даже попытки их кодификации. В истории России при выстраивании взаимоотношений центральных властей с национальными окраинами имели место случаи протекционистской политики по отношению к этим регионам и его населению, предоставления им существенных налоговых льгот по сравнению с населением «внутренних» губерний [7, с. 62].

Таким образом, сущность первой модели окраинной политики, реализуемой самодержавным правительством преимущественно в первой половине XIX в., заключалась в попытках обеспечения «встраивания» присоединенных территорий в имперский общественно-политический организм за счет достижения лояльности местной политической элиты посредством комплекса преференций, связанных с сохранением специфических особенностей окраинных территорий в рамках фактически существующей социокультурной и политической автономии. При этом, как справедливо отмечает М.В. Теплоухова, ведущим принципом национальной политики самодержавного правительства являлся гибкий прагматизм. В зависимости от степени лояльности населения окраин к самодержавию в его отношении могли быть проведены репрессивные меры либо предоставлены сверхльготные условия для существования [8].

Представляется, что реализация данной модели окраинной политики привела к обострению национального вопроса по следующим причинам.

Во-первых, обеспечение фактического автономного статуса присоединенным территориям, в первую очередь наиболее развитым из них – Польше и Финляндии, наряду с глобальными социокультурными сдвигами, произошедшими под влиянием становления капитализма, активизировало процесс формирования и стремительного развития национального самосознания населения имперских окраин. Иными словами, следствием реализации рассмотренной модели территориальной политики стало формирование «инороднических национализмов», априори деструктивных по отношению к имперскому государству вследствие ориентации на образование национальной государственности нерусских народностей империи.

Во-вторых, оборотной стороной реализации рассмотренной выше стратегии окраинной политики стало угнетение национального самосознания представителей титульной (количественно преобладающей) имперской нации – русских. В этой связи необходимо отметить, что все основные «издержки» внутренней политики самодержавия приходились в основном на население центральных губерний империи, представленное преимущественно русскими. Именно здесь на протяжении всего XIX в. существовали регрессивные по своей сути крепостнические, а позднее «отработочные» отношения, рекрутская повинность, реализовывалась ярко выраженная репрессивная политика по отношению к подавляющему большинству интеллигенции, вовлеченному в оппозиционное общественное движение. В результате население Российской империи в условиях развития капитализма оказалось в положении аутсайдеров, вследствие чего процесс формирования русской буржуазной нации был искусственно остановлен. Данное обстоятельство значительно усиливало конфликтогенный потенциал имперского общества и в конечном итоге радикализировало общественное движение русской интеллигенции.

Наконец, в-третьих, очевидно, что вышеуказанная модель окраинной политики создавала имперскому правительству значительные сложности для организации центрального управления отдельными территориями. В результате в условиях отсутствия унифицированного правопорядка и вертикальной административной структуры властное воздействие на общественно-политические процессы, проходящие на имперских окраинах, фактически не оказывалось, что губительным образом отражалось на устойчивости государственно-территориальной формы имперского государства.

Необходимо отметить, что самодержавное правительство, особенно после польских событий 1830 г., отдавало себе отчет в необходимости смены стратегии окраинной политики. Время правления императора Александра III стало начальным этапом радикальных изменений в данной сфере государственного управления.

Новая модель окраинной политики предполагала последовательную и безальтернативную реализацию принципа унификации общественно-политической структуры окраин на основе внедрения социокультурных характеристик русской нации. С этого времени стремление к национально-государственной консолидации становится всеобщим, что нашло отражение в трансформации окраинной политики, направленной на обеспечение «встраивания» окраин в общероссийскую экономическую, административно-политическую и социокультурную систему. Эта ситуация была в равной степени характерна для всех присоединенных территорий: Кавказа, Финляндии, Польши и Сибири [9, с. 61].

Реализация данной модели предполагала значительные ограничения правового статуса политической элиты и населения окраин. Среди основных из них В.С. Дякин справедливо выделяет следующие: ограничения деятельности местной администрации (назначение на посты генерал-губернаторов территорий этнических русских, отстранение местной элиты от власти, ограничение полномочий основных органов государственного управления); ограничения в социокультурной сфере (русификация образовательного процесса, языковая и религиозная дискриминация); ограничения гражданской дееспособности местного населения (запрет на свободу передвижения по территории империи, ограничения на занятия экономической деятельностью, сокращение образовательных прав) [10].

Необходимо отметить, что темпы внедрения и содержание вышеуказанных ограничений значительно различались в зависимости от степени лояльности имперских окраин к самодержавию и от уровня сопротивления местной интеллигенции. В результате наибольший радикализм реализации новой стратегии окраинной политики приобрела в Польше и Финляндии.

Начиная с 1864 г. самодержавие взяло курс на полную инкорпорацию Польши в общеимперскую общественно-политическую структуру, которая осуществлялась исключительно административно-директивными мерами – в 1864 г. в структуре правительства был учрежден Комитет по делам Царства Польского, в компетенцию которого входила подготовка формирования генерал-губернаторской системы управления по образцу слабо развитых имперских окраин со сложной военно-политической обстановкой. С 1880-х гг. правительством был инициирован процесс тотальной русификации всех сфер общественной жизни. В результате административными средствами была полностью ликвидирована польская автономия.

Тотальный удар по финской автономии был нанесен позже, но он был не менее значительным. При этом показательно, что ее фактическое уничтожение в составе имперского государства произошло в форме принятия специального закона имперской Государственной Думой в 1910 г. Согласно этому закону общеимперские законы, затрагивающие Финляндию, должны были приниматься только в Думе и Государственном совете, а мнение финляндских органов управления могло при этом не учитываться. Перечень вопросов, относимых к общеимперскому законодательству, включал все стороны внутренней жизни Финляндии: основные начала ее собственного государственного строя, охрану порядка и суд, школьное дело, законодательство о партиях и печати и пр. В результате принятия данного закона, по справедливому замечанию В.С. Дякина, фактически ничего не оставалось от финляндской автономии [11].

Итак, можно сделать вывод о том, что политика российского самодержавия в отношении окраин Российской империи, реализованная в XIX в., была нацелена на интеграцию их в состав имперского общественно-политического организма. Однако содержание данной политики с течением времени претерпело радикальные изменения. Если в первой половине XIX в. правительство в сфере межнациональных отношений реализовывало дифференцированный подход, определяя правовой статус конкретных территорий на основе учета сложившихся традиций общественного развития и принципа сословной консолидации, то во второй половине века ставка была сделана на тотальную унификацию управленческой модели для окраин в рамках унитарной государственно-территориальной структуры. Основной причиной таких изменений стало развитие на новых имперских территориях (прежде всего западных) оппозиционного самодержавию национального движения.

Однако следствием вышеуказанных изменений стало не только формирование выраженного национального самосознания у интеллигенции большинства окраин, но и бытового «инороднического» национализма, что в условиях оппозиционности общественного сознания большинства населения империи и слабости русского национализма привело в начале XX в. к перманентному революционному процессу, положившему конец существованию имперской государственности.

В связи с вышесказанным можно сделать вывод о том, что политика самодержавия в национальном вопросе стала одной из главных причин его уничтожения.

Ссылки:

1. Преображенский А.А. Об исторической роли окраин позднефеодальной России в свете дореволюционных трудов В.И. Ленина // Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма. М., 1970. С. 367–374.
2. Дамешек Л.М. Окраины Российской империи: институты и бюрократия XIX – начала XX веков. Иркутск, 2015. 223 с.
3. Там же. С. 29.
4. Алехторов А.Е. Инородцы в России. Современные вопросы. СПб., 1906. 134 с.
5. Дамешек Л.М. Окраинная политика как фактор инкорпорации сопредельных территорий Российской империи // Вестник Бурятского научного центра сибирского отделения Российской академии наук. 2011. № 2. С. 61–65.
6. Дамешек Л.В., Дамешек И.Л. Российские окраины в имперской модели управления XIX в. // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 433. С. 59–63. <https://doi.org/10.17223/15617793/433/7>.
7. Дамешек Л.М. Окраинная политика ... С. 62.
8. Теплоухова М.В. Этнонациональная политика в Российской империи XIX – начала XX вв. // Ойкумена. 2011. № 2. С. 139–144.
9. Дамешек Л.В., Дамешек И.Л. Указ. соч. С. 61.
10. Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX в.). СПб., 1998. 1000 с.
11. Там же.

Редактор: Ситникова Ольга Валериевна
Переводчик: Герасимова Валентина Евгеньевна